
Выходные сведения статьи:

Симонов Ю.В. Село Давыдовка: историко-экологический очерк // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2016. № 2(14). URL: <https://regrazvitie.ru/selo-davydovka-istoriko-ekologicheskij-ocherk/>

УДК 39**Село Давыдовка: историко-экологический очерк****© 2016 Симонов Юрий Владимирович¹**E-mail: yuriisimonov@bk.ru

Самарский государственный экономический университет

Представлены краткая история родного села; интересные факты, связанные с самым прогрессивным и демократичным владельцем – помещиком Пустошкиным; забота помещика о здоровье, быте и благосостоянии крестьян; состояние природы (Волга, Воложки, леса, луга, озера, болота, родники, растения и животные) до и после создания Саратовского водохранилища; удивительная способность природы к восстановлению утраченного по вине человека; виды животных и растений, занесенных в Красную книгу; удивительные природные объекты, интересные люди и незабываемые события родного села; прозвища людей и их толкование и происхождение; быт людей, неразрывно связанный с природными особенностями; воспоминания об ушедших и ныне живущих родственниках; истоки любви к родной природе; впечатления детства, юности и зрелости.

Ключевые слова: Давыдовка, природа, события, люди.**The village Davydovka: historical-environmental essay****© 2016 Simonov Yuri Vladimirovich**E-mail: yuriisimonov@bk.ru

Samara state university of economics

Presents a brief history of the native village; interesting facts associated with the progressive and democratic owner – landlord Pustoshkin; landowner concern about health, life and welfare of the peasants; the state of nature (Volga, Valoski, forests, meadows, lakes, swamps, springs, plants and animals) before and after the creation of the Saratov reservoir; the amazing ability of nature to restore the lost through the fault of the person; the animal and plant species included in the Red list; amazing natural sites, fascinating people and unforgettable events of the native village; nicknames of people and their interpretation and origin; everyday life of people closely associated with natural features; the memories of the departed and the living relatives; the origins of the love for mother nature; the impressions of childhood, adolescence and maturity.

Keywords: Davidovka, nature, events, people.

¹**Симонов Юрий Владимирович** - кандидат биологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет» (Российская Федерация, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141).
Simonov Yuri Vladimirovich - candidate of biological sciences, professor FSBEI HE «Samara State University of Economics» (Russia, 443090, Samara, street of the Soviet Army, 141).

Давыдовка – сравнительно небольшое село в Приволжском районе Самарской области. Возникло село в 90-х годах XVIII века и называлось Красный Затон. Происхождению своему село обязано помещику Давыдову, который купил деревню в Тамбовской области и перевез ее на берег Волги. Отсюда в говоре у нас твердое «А» и появляющееся необязательное «Я», например, «дАмой» или «мЯстами».

Немного удивительной истории о селе из рассказов моего деда – Аверина Ильи Кирилловича.

Владел нашим селом помещик Григорий Ефремович Пустошкин – удивительный человек, о котором до сих пор помнят мои односельчане.

Вот лишь несколько фактов из истории пустошкинского времени. Для себя он построил огромный «барский дом», как мы его называли между собой, по проекту специально приглашенного архитектора. Дом был окружен прекрасным садом и парком, сосны которого сохранились по сей день, и постройками – служебные помещения, скотные дворы, каретники, мельница и здание мануфактуры. Многие здания из-за создания Саратовского водохранилища исчезли. В «барском доме» в мое школьное детство был организован интернат для учащихся близлежащих сел, где не было 10-летки. В нашей школе были параллели даже до литеры «Г».

В нескольких километрах от села, на берегах озер Пустошкиным был разбит плодовый сад, некоторые деревья которого сохранились до сих пор. Неподалеку от больницы Пустошкин распорядился выкопать округлый пруд и обсадить его деревьями. Жалкие остатки пруда можно видеть и сегодня.

Для крестьян и рабочих, обслуживающих непосредственно барское хозяйство, он построил специальный дом. В 1892 году он открыл школу для крестьян с бесплатными учебниками и письменными принадлежностями, с учебной мебелью и пособиями. Помещик Пустошкин организовал для детей крестьян буфет при школе, по сути бесплатный, так как платой за горячий завтрак был хвост от убитого суслика на полях помещика.

Помещик Пустошкин построил и открыл больницу для крестьян, в здании которой затем находился знаменитый Давыдовский санаторий. Рядом с больницей он распорядился построить дом для врача. Эти здания сохранились до сих пор.

При въезде на мою родную улицу стояла конюшня небольшого конезавода, где занимались разведением скаковых лошадей и рысаков. Знаменитыми производителями, вызывавшими восхищение у всех жителей и у детворы, был белый скакун Король и вороной рысак со звездой во лбу – Мальчик.

На нашей улице, она называется и до сих пор Советской, было три магазина (продуктовый, ширпотреб и хозтоварный), а также хлебопекарня и питейное заведение, называемое в народе «рыгаловка». Посредине улицы круглый год была огромная лужа: летом там плавали гуси, утки и мелкие ребятишки, а зимой играли в хоккей или, установив посредине тележное колесо с оглоблей и санками, катались по кругу со страшной скоростью.

На берегу Давыдовской воложки (а были еще Екатериновская, Софьинская и Табашная воложки) стояла рыбокопильня, где глубоко под землей был оборудован ледник для хранения рыбы, помещение для засолки. Рыбу коптили на древесных опилках! В селе был рыбколхоз «Волна», мой дед еще пацаном рыбачил в его составе. Была больница и медпункт, и даже участковый милиционер. Напротив села, через луга и гривы, на берегу Давыдовской воложки стоял дебаркадер, где швартовались круизные теплоходы, где бойкие старушки и

женщины нашего села торговали всем, что родила наша щедрая земля: овощи, фрукты, ягоды, арбузы, дыни и т.д. Жил в нашем селе известный гончар, делавший из гончарной глины нехитрую деревенскую посуду.

Что еще осталось в моей памяти о малой родине. По берегам озера стояли бесчисленные бани: удобно – вода рядом. Чуть поодаль от села, на берегу того же озера сельчане разбили «капустники», так у нас назывались огороды, где выращивали огурцы, помидоры, капусту и другую зелень: опять же вода рядом. На этом же берегу летом и осенью на кострах в медных тазах все село варило варенье: вишневое, яблочное, грушевое, земляничное, ежевичное, смородиновое, малиновое, калиновое и даже из черного паслена. Запах стоял такой, что, казалось, все пчелы, осы, шмели и шершни слетались на берег. Пенку с варенья снимали деревянной ложкой в большие миски. На ломоть домашнего хлеба да ложку пенки с варенья – это лучшее лакомство детства.

Через небольшой перешеек простиралось узкое, извилистое лесное озеро – Терны. Надо полагать, что свое название оно получило от зарослей терновника по берегам. Озеро отличалось исключительно прозрачной водой, которая была холодной в любое время года, и не портилась при длительном хранении. У жителей эта вода пользовалась особым уважением и считалась святой. В таком озере можно было поймать только раков, а о рыбалке и не мечтай. Какая рыбалка, если видно на дне как ползет личинка ручейника! На отмелях красовались белые кувшинки (*Nymphaea alba* L.) и желтые кубышки (*Núphar lútea* L.), а по берегам – лазурные и желтые ирисы (*Iris pseudacorus* L.), особенно многочисленные на берегах болот, которые тянулись от озера на юг.

Болота пользовались разной репутацией: у детворы – источник вкусных корневищ рогоза (*Typha latifolia* L.), у взрослых – замечательное место охоты на водоплавающую дичь, но и как источник семидневной лихорадки. Не мне одному приходилось глотать нестерпимо горькие таблетки хины черного цвета, убивающих возбудителя лихорадки – малярийного плазмодия (*Plasmodium malariae* L.). Водились здесь кряквы (*Anas platyrhynchos* L.), шилохвость (*Anas acuta* L.), широконоска (*Anas clypeata* L.), чирки-трескунки (*Anas querquedula* L.) и чирки-свистунки (*Anas crecca* L.), белые (*Ardea alba* L.) и серые цапли (*Ardea cinerea* L.), выпь (*Botaurus stellaris* L.) или «болотный бык», многочисленные кулики (*Charadrii*), дикие гуси (*Anser anser* L.) и лебеди (*Cygnus olor* L., *Cygnus cygnus* L.), болотные луни (*Circus aeruginosus* L.). По берегам было много рябины (*Sorbus aucuparia* L.), поэтому многочисленными были дрозды-рябинники (*Turdus pilaris* L.), которых мы в детстве называли «трещетками».

На юго-запад от болот раскинулись заливные луга, разделенные гривами. Заливные луга истари делились между родами для сенокоса – замечательной поры для детворы и тяжелого труда для взрослых. Самым увлекательным было транспортировка копен сена верхом на лошади. Я помню свою любимую лошадь – серого в яблоках жеребца – на котором так удобно было сидеть без седла. То тут, то там сверкали блюдца многочисленных озер: Хрустали (за прозрачность воды), Бакланово (место гнездования бакланов), Ларино (?) и т.д. Куропатки (*Perdix perdix* L.), перепела (*Coturnix coturnix* L.), коростели (*Crex crex* L.), луговые луни (*Circus pygargus* L.) были обычными птицами наших лугов. Бесчисленное количество щавеля (*Rumex acetosa* L.), шедшего на вкуснейшие пироги и на щи, дикого лука (*Allium ramosum* L.) – вкуснейшего ребячьего лакомства с солью и черным, настоящим ржаным хлебом. Захватывал дух медовый запах созревшего разнотравья, а в кустах между лугами журчали бесчисленные родники с холодной до ломоты зубов водой. Участь самых маленьких ребятишек – носить эту воду косцам.

На север от села, через Давыдовскую воложку, также были знаменитые сенокосные уголья и богатейшие ягодники ежевики (*Rubus caesius* L.), но нас привлекало таинственное

Митино озеро, сплошь затянутое тиной. Здесь обитали огромные лини (*Tinca tinca* L.): чтобы их удержать после поимки мы ложились на них всем телом. Из этого озера тянулась тонкая нить ручейка, впадавшего в заводь Чупышки Давыдовской воложки. Здесь вода кипела от разбойников окуней (*Perca fluviatilis* L.).

В озерах и воложках водились окуни (*P. fluviatilis* L.), сорожка (*Rutilus rutilus* L.), красноперка (*Scardinius erythrophthalmus* L.), лещ (*Abramis brama* L.), язь (*Leuciscus idus* L.), сазан (*Cyprinus carpio* L.), линь (*T. tinca* L.), налим (*Lota lota* L.), уклейка (*Alburnus alburnus* L.), синец (*Abramis ballerus* L.), сапа (*Abramis sapa* L.), густера (*Blicca bjorkna* L.), щука (*Esox lucius* L.) и даже речная минога (*Lampetra fluviatilis* L.). Однажды, на рыбалке дед Илья поднял в лодку жак (вентер), в котором была не только рыба, но и миноги. Я тогда испугался, так как они были очень похожи на змей. Дед Илья, любитель жирной пищи, называл их «сладкими», т.е. вкусными.

В Волге обычными был судак (*Lucioperca lucioperca* L.), берш (*Lucioperca volgensis* Gmel.), сом (*Silurus glanis* L.), жерех (*Aspius aspius* L.), чехонь (*Pelecus cultratus* L.), стерлядь (*Acipenser ruthenus* L.), осетр (*Acipenser gueldenstaedtii* L.) и многие другие виды рыб.

Давыдовская воложка отделялась от Волги длинной песчаной косой, на которой мы рыбачили на «завозные». Так называли мы переметы длиной 200 метров с сотней крючков. Такую снасть невозможно было забросить в воду, ее можно было только завозить на лодке. Здесь нам и попадались небольшие осетры, стерляди и сомы. Рыбачить оставались на ночь, разводя огромный костер, угли которого затем засыпали песком и накрывали сверху брезентом. Спали как на печке, несмотря на холодный ветерок с Волги.

Я помню даже белорыбицу (*Stenodus leucichthys* Guld.), белугу (*Huso huso* L.) и сельдь (*Alosa volgensis* Berg)!!! Она заходила к нам большими косяками, и рыбаки, цепляя сеть к двум лодкам, делали что-то подобие трала и ловили сельдь. Стерлядь я ловил на обыкновенную удочку! Отец рассказывал, как однажды лошадьми вытаскивали на берег белугу, заводя за нее три невода!

Удивительно, но село наше находится на дне древнего Итиля, окруженное дремучими лесами, озерами, воложками и заливными лугами. В лесах были обычными лоси (*Alces alces* L.). Стада лосей были так многочисленны, что однажды мы с дедом, идя на рыбалку рано утром, приняли их за стадо коров, которых пастух выгнал на пастбище. На полянах, да и на лугах, прежде чем косить траву, мы проверяли наличие рогов лосей, способных поломать любую косу. Были нередки волки (*Canis lupus* L.), воровавшие овец и собак, лисы (*Vulpes vulpes* L.) – любители гусятины и курятины, барсуки (*Meles meles* L.), куницы (*Martes martes* L.), хори (*Mustela putorius* L.), ласки (*Mustela nivalis* L.).

Поражали воображение огромные осокори (*Pópulus nigra* L.). На их вершинах гнездились беркуты (*Aquila chrysaetos* L.), черные (*Milvus migrans* Bod.) и красные (*Milvus milvus* L.) коршуны, скопы (*Pandion haliaetus* L.), канюки (*Buteo buteo* L.). Многочисленными были пустельга (*Falco tinnunculus* L.) и кобчик (*Falco vespertinus* L.). В дуплах строили гнезда огари (*Tadorna ferruginea* Pal.) и гоголи (*Bucephala clangula* L.). Обычной птицей была красивейшая тропической раскраски сизоворонка (*Coracias garrulus* L.). Над водоемами в поисках пищи летали чайки (*Larus ridibundus* L., *Larus canus* L., *Larus minutus* Pall.?) и крачки (*Sterna hirundo* L., *Sterna albifrons* Pall., *Chlidonias niger* L.). Поражали наше детское воображение огромные серебристые чайки (*Larus argentatus* Pont.) Озерных чаек мой дед Илья называл почему-то «мартышками». «Где мартышки, там и окунь», – говаривал он.

Зимой обычными были красногрудые снегири (*Pyrrhula pyrrhula* L.), мелодичные свистели (*Bombycilla garrulus* L.) и хохлатые жаворонки (*Galerida cristata* L.), называемые нами «подорожниками» из-за их привязанности к зимним дорогам.

Из всех многочисленных певчих мои сельчане выделяли, конечно, соловья (*Luscinia luscinia* L.) и «лесную флейту» или иволгу (*Oriolus oriolus* L.), которая могла кричать и как кошка, которой наступили на хвост.

Вокруг села росли многовековые дубы (*Quercus robur* L.), в дуплах которых мы, пацаны, прятались во время своих игр. На выгоне и на берегу озер были посажены сосны (*Pinus sylvestris* L.), которые сегодня носят статус ботанического памятника природы – Давыдовские сосны. На песчаных возвышенностях рос сочный дикий чеснок (*Allium ursinum* L.). В лесу прятались купырь лесной (*Anthriscus silvestris* L.), грузди (*Lactarius resimus* Fr.), опята (*Armillaria mellea* Vahl.), маслята (*Suillus luteus* Gray.), валуи или по-нашему «дунюшки» (*Russula foetens* Pers.), рыжики (*Lactarius deliciosus* L.), моховики или «губастики» (*Xerocomus badius* Quel.), разноцветные сыроежки (*Rússula*). Огромные земляничные (*Fragaria viridis* Duch.) поляны, непролазные терновники (*Prúnus spinósa* L.) и ежевичники (*Rubus caesius* L.). Весь лес благоухал от ароматов диких яблонь (*Malus sylvestris* L.) и груш (*Pyrus pyrastrer* L.). На опушках буйно цвел нежно-миндальным цветом бобовник (*Prunus tenella* Batsch). Экзотикой тогда был лох серебристый (*Elaeagnus commutata* Bern. ex Rydb).

На юго-западе высится древний берег Итиля высотой 200-300 метров, порезанный многочисленными оврагами, на дне одного из которых был оборудован колодец с ключевой водой. Все откосы оврагов были изрыты норами красивейших золотистых щурок (*Merops apiaster* P.), так ненавистных для пчеловодов. Это было не село, это был земной рай!

Поднявшись на берег Итиля, до самой реки Чагры простиралась степь с небольшими лесными колками. Корсак (*Vulpes corsac* L.), степной орел (*Aquila nipalensis* Hodg.), степной лунь (*Circus macrourus* S.G.Gmelin.), стрепет (*Tetrax tetrax* L.) и даже дрофа (*Otis tarda* L.) были обычными.

Главное богатство села – люди. Ни одно село или деревня не обходится без того, что ее жители не имели уличных прозвищ. Не исключение и моя Давыдовка. Сколько юмора, доброты и тонко подмеченных черт характера в уличных прозвищах жителей нашего села.

Иван Кулиныч – так звали мужчину потому, что он без матери Акулины не принимал никакого решения в жизни. Вот и получил уличное отчество по матери.

Валька-моторка, Манька-трегубалка, Катька-сорока, Шурка-батля – они получили свое прозвище не только за неумолкаемый разговор, но и от желания приврать, приукрасить, принести первым новость.

Васька-манай и Вовка-буслай – увальни, нескладные, безобидные мужики, но болваны и оболтусы.

Я вспомнил более 40 уличных прозвищ, происхождение которых различно: и от профессии отцов и дедов (Володя-бондарь, Егор-бакенщик), и от внешнего вида (Гена-лупыч, Вовка-сом, Витька-злой, Настя-моргушка), и от родовой фамилии (Валька-Учаиха, Настя-Горычиха, Нинка-Бзничина) и т.д. Иногда происхождение прозвища не объяснить – Вовка-сиклей, Володя-ундарь, дед Пыт и т.д. Даже герои гражданской и Великой отечественной войн не остались без меткого прозвища: боец 25-й Чапаевской дивизии Григорий Миронов – он же «Чакырин», т.е. легкий, неунывающий человек, всегда имевший при себе чекушку (по нашему – чАкушку) водки. Или орденоносец, боец партизанского отряда Медведева – Гусев

Иван, по-уличному «Соловей» – любитель «заливаться соловьем» о своих рыбацких подвигах.

«Соловьем» звали и моего деда – Аверина Илью Кирилловича – участника и инвалида Великой отечественной войны, за замечательный голос и любовь к русским песням, знатока природы, моего первого «учителя биологии». Обычно мой отец начинал песню низким глуховатым голосом, а дед Илья подхватывал тенором: «Далеко, далеко, где кочуют туманы, где от легкого ветра колышется рожь...». «Кудесницей» звали и мою бабушку – Аверину Екатерину Ивановну – за чудесные способности отыскивать ягоды, фрукты и грибы в лесу, за изумительные варенья, компоты и квасы, за самые вкусные в селе пироги, щи и борщи.

Мою маму – Симонову Марию Ильиничну – все звали ласково «Манечкой», «Машенькой» за доброту, участие, сострадание и помощь. Чужая боль была ее болью. Она переживала даже за то, чего еще не случилось. Когда я уходил купаться на бесчисленные озера, мама говорила: «Утонешь – домой не приходи!»

Мой отец – Симонов Владимир Арсентьевич – участник войны, имел уличное прозвище «Золотой» за безотказность в помощи. Он умел строить дома, складывать печи, пахать, сеять, косить, выращивать арбузы и дыни, рыбачить и вялить рыбу, делать глиняные свистульки и т.д. и т.п. Почему? Потому, что в 11 лет стал круглым сиротой в семье из 9 детей. Со всем скарбом и хозяйством он ушел в колхоз, чтобы прокормить такую ораву едоков.

Люся – сестра, царство ей небесное! Это вторая Мария Ильинична, наша мама: все понимала, все прощала, всем помогала. Рядом с ней было уютно, тепло по-домашнему!!! Если есть на свете сестры милосердия от Бога, то это моя мама и моя сестра!!!

Мой старший брат Виктор. Рассудительный, серьезный, если брался за какое-то дело, то доводил его до конца. Он увлекался охотой, рыбной ловлей, фотографией, всякими железками. Переломным моментом в жизни стало прочтение романа «Сердце на ладони»! И вот – мой брат заслуженный работник здравоохранения РФ и Мордовии, зав. урологическим отделением республиканской больницы. Он хирург от Бога!!! А для меня – он всегда старший брат, даже в мои преклонные года. Если войнушка, футбол, хоккей и прочие забавы, то это я, если фотография, журнал «Техника молодежи», в общем, все серьезное – это мой брат.

Роковой 1967 год – год интенсивной подготовки ложа для Саратовского водохранилища. Лес сведен на нет, вековые осокори выкорчевывали так, что бульдозер зарывался в землю по крышу. 1969 год – год заполнения ложа. Практически вся природа, о которой говорилось выше, безвозвратно исчезла.

Сейчас село находится на полуострове с тремя заливами. На полуострове остатки широколиственного леса, искусственные посадки сосны и ели, жалкие остатки ботанического памятника природы – Давыдовские сосны.

Перестройка, упадок промышленности и сельского хозяйства все же позитивно сказались на некотором восстановлении природных богатств села: вновь появились суслики (*Spermophilus major* Pall., *Spermophilus suslicus* Guld. *Spermophilus pygmaeus* Pall.), загнездились лебеди, стала появляться белая цапля. Восстановили свое обилие в водоемах раки (*Pontastacus leptodactylus* L., *Astacus astacus* L.).

На лесных полянках и в самом лесу хохлатка плотная, или Галлера (*Corydalis solida* L.), краснокнижные тюльпаны (*Tulipa biebersteiniana* Schult), рябчик русский (*Fritillaria ruthénica* Wikstr.) и сон-трава (*Pulsatilla patens* L.). По берегам появилась ольха (*Alnus*

glutinosa L.). Откуда ни возьмись на полянке дубравы растет ирис приземистый (*Iris humilis* Georgi). Сохранился горичвет весенний (*Adonis vernalis* L.)!!!

Как бы там не было, но это моя малая родина. Невозможно себе представить, что бы мы не приезжали в родное село, чтобы не любовались, пусть остатками природы, вспоминая бывшее величие. Стоит только закрыть глаза, услышать крики чаек или крачек – и память услужливо рисует наше детство, нашу природу, нашу Давыдовку!

Здесь делали первые шаги в природу мои дочери – Юля и Настя. Здесь они открывали для себя мир прекрасного, доброго и вечного. Здесь они соприкоснулись с природой, вошли в нее так органично, что у них появился ритуал – хотя бы раз в год вернуться к истокам душевного равновесия и настоящего единения с природой. Здесь мои жена, Татьяна Ивановна, и дочь Анастасия, раскинув руки вширь, стояли на высоком берегу Волги, ловя пространство и время нерушимой Матери-Природы.

Список литературы

Очерк основан на собственных воспоминаниях, а также на воспоминаниях деда Аверина И.К. и бабушки Авериной Е.И.

References

Ocherk osnovan na sobstvennykh vospominaniyax, a takzhe na vospominaniyax deda Averina I.K. i babushki Averinoj E.I.